

HAMMOND

© Kirill Belyaev

ART ELECTRONICS 2007 3(30) ВЕЧЕРНИЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

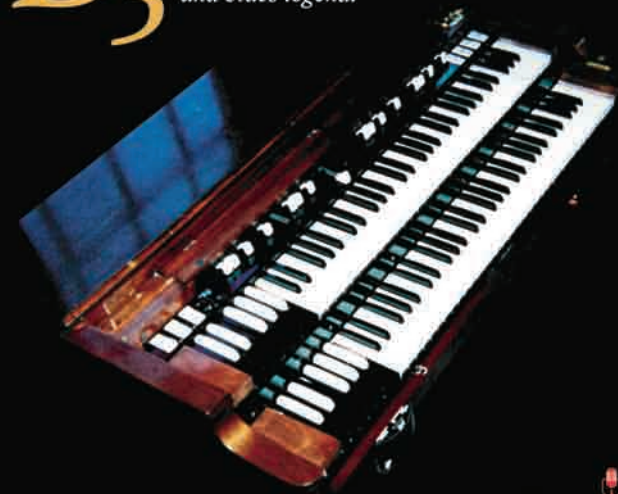
© Kirill Belyaev

Даже если бы группы **Medeski, Martin & Wood** не существовало, **Джон Медески** все равно вошел бы в музыкальную историю как один из самых талантливых клавишников нашего времени. Он получил классическое музыкальное образование и, как гласят легенды, начал играть на пианино еще до того, как научился ходить.

Кухня Джона

В3 Hammond Медески

ALL the character and grit of a true rock, gospel and blues legend.

SONIC IMPLANTS

ART ELECTRONICS 2007 3(30) ВЕЧЕРНИЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Достоверный факт: в 1981 году великий Жако Пасториус пригласил его в тур, но шестнадцатилетнего чудо-музыканта не отпустила мама. Джон Медески освоил едва ли не все виды клавишных инструментов, которые можно услышать в джазе и рок-музыке, но его основной «рабочей лошадкой» стал электроорган *Hammond B-3*. Именно на этом инструменте держится значительная часть звука *Medeski, Martin & Wood*.

Трио, появившееся в 1991 году, возвращало к форме небольших джазовых коллективов, которых было довольно много в 60–70-х. Новое — это хорошо забытое старое. Однако простое сочетание клавиш, баса и ударных (плюс прифанкованные ритмические партии и изысканные импровизации с оттенком психоделики) в конце XX века заиграло новыми красками. И музыка, и технологии успели измениться. Кроме того, сами участники трио — Джон Медески, Билли Мартин и Крис Вуд — были слишком хорошими музыкантами, чтобы просто повторять старое. Сейчас они пользуются уважением и поклонников классического джаза, и более молодого поколения, которое привлекает динамичная музыка группы.

Помимо основного проекта Джон постоянно записывается и выступает с различными коллективами и музыкантами. В их число попали и бешеный экспериментатор Джон Зорн, и интеллектуал Дэвид Бирн, и легендарный джазовый саксофонист Мейсео Паркер. Следуя списку артистов, с которыми работал или работает Джон, можно смело изучать современный джаз и авангард. В прошлом году он даже принял участие в записи альбома «Девушки поют» группы «Аукцион». (Надо иметь в виду, что Джон Медески —

© Kirill Belyaev

☞ Однако наиболее известны вы как исполнитель на органе «Хаммонд». Что вы нашли в этом инструменте?

ДМ: Трудно сказать. По образованию я пианист, а «Хаммонд» впервые попробовал в колледже — мне тогда не было и двадцати. Это было в какой-то музыкальной школе в Бостоне, мы откопали *Hammond B3* в одной из кладовок после концерта, на нем лет пятнадцать никто не играл. Я, конечно, слушал артистов, игравших на «Хаммонде», — Джимми Смита, Джимми Макгриффина, — но сам играть на нем не предполагал. Так что мы просто смахнули пыль с инструмента и попробовали, что он умеет. И у него оказался невероятный диапазон звуков. Играя в оркестре, я даже представить себе такого не мог! Особенно меня потрясли низкие звуки и возможность построения гармоний. Я решил исследовать «Хаммонд» подробнее. К тому времени я уже играл с бостонскими блюзовыми группами вроде *Mr. Jellybelly*. И как раз здесь пригодилось мое знакомство с «Хаммондом», он звучал едва ли не чаще пианино. Это увлекло меня, я выступал с блюзменами года два, и можно сказать, что по-настоящему «Хаммонд» я узнал благодаря блюзу. В ту пору меня все больше начали увлекать авангард и свободная импровизация. Это были... необходимые отступления от трехаккордных канонов блюза. (*Смеется*). Не хочу сказать, что мне не нравилось играть блюз, я с ним фактически повзрослел. Но когда в Нью-Йорке собрались *Medeski, Martin & Wood*, я сначала вернулся к фортепиано. Потом, когда начались разъезды по другим городам, передо мной встал выбор — играть на электронной версии фортепиано, что мне совсем не улыбалось, или взяться за «Хаммонд». Я, естественно, предпочитал настоящий инструмент имитации. И мы стали писать музыку под «Хаммонд», а она подтолкнула нас к новому, более мощному звуку. Оказалось, что музыка, которую мы стремимся играть, не очень соответствовала возможностям фортепиано. В ней было слишком много намешано — и блюз, и г'п'б, и госпел, не говоря уже об экспериментальных ритмах. С «Хаммондом» мы могли получить массу звуковых оттенков, и освоение этого инструмента стало для меня абсолютно логичным. Хотя начиналось все с поиска подходящих клавиш для концертов.

☞ (*Смеется*).

Вы сказали, что не любите «имитации», электронные пианино. Однако многие великие артисты используют «Ямахи» или «Роланды». Звучание последних считается вполне аутентичным.

ДМ: Все эти подделки могут отправляться к черту! (*В орги-нале: «They all suck!» — М.Х.*) Они ужасны. С ними невозможно «поймать» свой собственный звук. Я могу по одному аккорду или ноте узнать Херби Хэнкока или Рубина Штайнера. Это как голос. Однако для этого нужно играть на реальном инструменте! А на электронных пианино музыкант просто нажимает клавиши и получает заранее установленный звук, они обезличены. Я их ненавижу! (*Смеется*). Разумеется, цифровой инструмент более комфортен в нынешнюю цифровую эпоху, но звуки, которые он создает, — это просто имитация. При этом лучшие «Роланды» звучат на 99% как настоящий инструмент, иногда можно определить музыканта по манере игры на них, но у них нет собственного голоса, нет особенных штрихов. Голос инструмента — самое важное! Мне приходилось играть на подобных клавишах — из них можно выдавить связность и энергию, но что касается нюансов, здесь они безнадежны. Нет, я не поклонник этих подделок! (*Смеется*).

Это касается только цифровых клавишных или цифровых технологий вообще?

ДМ: Нет, конечно, не всего вообще. Используя цифровые технологии и сэмпирование, можно получить потрясающую музыку. Главное — идея. Возьмем, к примеру, Икуе Мори — японскую электронщицу, которая играет с Джоном Зорном и использует только лэптоп. Это фантастика, когда слышишь, что может получиться из постукивания ручкой по бутылке из-под

☞ «колы». Все зависит от подхода.

Вы предпочитаете играть на «Хаммонде» живьем или записываться в студии? И как получить наиболее качественный звук?

ДМ: Лучше всего снимать звук через микрофон с усилителя. Микрофон можно приближать к усилителю или ставить дальше. Для стереозвука лучше использовать несколько микрофонов; я обычно ставлю к усилителю два микрофона сверху и один снизу. Однако если поставить пару микрофонов на некотором отдалении, звук будет совсем другим — здесь можно постоянно экспериментировать. Обычно музыка, которую играешь, диктует правила. Допустим, если бы я записывал «Хаммонд» без других инструментов, то поставил бы два микрофона сверху, один снизу и еще два в отдалении.

Сейчас, играя на «Хаммонде», я часто использую эффекты, особенно на концертах. А когда записываюсь, то предпочитаю включать его в линию, иногда воздействуя на звук с помощью вау-педали, дилэя или подключения педали, позволяющей на ходу записывать «петли». Это сильно все меняет. Впрочем, до начала экспериментов с эффектами я много играл на «чистом звуке». И надо помнить, что после записи последует

☞ микши-рование, и звук может измениться еще сильнее.

Помимо Medeski, Martin & Wood вы играете с мно-жеством других коллективов. Чего вам не хватает в «родной» группе?

ДМ: (*Смеется*). Всего хватает! Но, знаете, я всю жизнь играл слишком разную музыку. К тому времени, как появились *Medeski, Martin & Wood*, каждый из нас имел огромный опыт, и мы продолжаем этот опыт приобретать. Для нас это важно. Не то чтобы нам чего-то не хватало, когда мы вместе, но, по-моему, если много лет кряду играешь с одними и теми же людьми, то застреваешь на месте. И если появляется возможность подхватить что-то еще «на стороне» — это только к лучшему! Все группы и артисты, с которыми я играю, очень разные. Например, я участвовал в проектах с певицей из Перу по имени Сусанна Бака, Джоном Зорном, *Trey Anastasio Band*, продюсировал духовую группу *The Dirty Dozen*, играл госпел. В частности, с русской группой «Аукцыон» был необычайно интересный опыт. Кто-то просто сидит дома и слушает записи, и это тоже путь. Но я лучше всего впитываю новое, когда играю с другими музыкантами, — появляется энергия, непосредственная связь. Я учусь у каждого, с кем мне доводится работать, но не делаю заметок в блокноте: находясь в эпицентре процесса, я просто впитываю новые аспекты музыки, философии. Это мне необходимо, чтобы

☞ развиваться.

А что вас связывает с Билли Мартином и Крисом Вудом?

ДМ: Как раз то, что мы постоянно меняемся. Каждый раз, когда мы записываем что-то новое, — это еще один шаг вперед. Каждый из нас — индивидуальность. Это объединяет. (*Смеется*). У нас есть определенный язык, и на нем мы общаемся. Возникает некий баланс. Возвращаясь в студию после работы «на стороне», мы испытываем легкость, которую, наверное, трудно объяснить кому-то еще. Конечно, имеет значение и то, что мы много импровизируем, сочинение музыки и запись у нас происходят спонтанно. И это меня абсолютно устраивает.

☞ **Какowo играть с Джоном Зорном? Его импровизации по сравнению с вашими более... дикие.**

ДМ: Бывает. Хотя временами я сам удивляюсь тому, что у меня получается. Звуки вылетают раньше, чем успеваешь подумать, что делаешь. (*Смеется*). Дело, наверное, в энергии. В музыке Джона она преобладает, и моя задача здесь была «поймать волну». Мне нравится то, что делает Джон. И мне было легко играть с ним, было реальное ощущение свободы, что-то действительно немного дикое. В *Medeski, Martin & Wood* мы больше ориентированы на ритм, и я часто осознанно не играю

музыкант, который в своей области знает и умеет едва ли не все). Подобное сотрудничество для него — не просто сессионная работа, но вопрос собственного развития, которое, похоже, никогда не остановится.

☞ **То, что вы делаете, часто называют авангардным и альтернативным джазом. Что в вашем случае означают «авангард» и «альтернатива»?**

ДМ: Я стараюсь не описывать нашу музыку. В ней столько элементов, что мы даже не пытаемся искать для нее определения. Это музыка с большой долей импровизации и ритмами, которые мы обрабатываем в соответствии со своими настроениями. Возможно, нас относят к авангарду из-за мест, где мы выступаем, — это Knitting Factory и CBGB, снискавшие славу самых альтернативных площадок в Нью-Йорке. Разумеется, это диктует определенную концепцию. Наша музыка находится на стыке разных стилей. И тем, кто любит авангард или альтернативу, она может быть близка.

☞ **Под влиянием каких музыкантов вы начали играть такую музыку?**

ДМ: Список весьма обширен. Я начал заниматься музыкой с пяти лет и с тех пор постоянно подпадал под какие-то влияния. В детстве это была классическая музыка и то, что слушали мои родители, — старые американские песни. Я слышал джаз, когда мне было лет десять-двенадцать, и мне буквально сорвало крышу. Это были те же песни, но исполненные иначе, куда более эмоционально. Подростком я брал уроки джазовой игры. Тогда я слушал все, что попадалось под руку, — от Каунта Бейси до Сесила Тейлора и Телониуса Монка. Вместе с тем мне нравились и артисты нового поколения: *Pink Floyd* и Боб Марли, *Weather Report* и Жако Пасториус. А также почти все, что выходило на лейбле *Blue Note*. При этом я продолжал играть академическую музыку, часто выступал с местными камерными и симфоническими оркестрами. Еще я занимался мюзиклами, которые ставили в школах и небольших компаниях, участвовал в группах, игравших авангард. Много всего было! Мое первое электронно-инструментальное трио было из Флориды, тогда я впервые играл на клавишах «Родс». И в то время я даже не подозревал, что потом вся моя жизнь окажется связанной с электрическими клавишными.

слишком много. Я не люблю устраивать музыкальную лапшу. Каждый раз, когда я играю с новым артистом, на меня оказывает воздействие его музыка, я легко в нее вливаюсь.

☞ **А как было с «Аукцыоном»?**

ДМ: О, великолепно. Они связались со мной и Марком Рибо, когда записывались в Нью-Йорке. У «Аукцыона» очень оригинальный, однако естественный подход к музыке. Мне с ними было очень комфортно. К тому же, благодаря этой записи (альбом «*Девушки поют*» — М.Х.) мне удалось побывать в России и сразу выступить перед большой аудиторией вместе с известной группой. Надеюсь, когда-нибудь я с ними еще поработаю.

☞ **Какая музыка привлекла ваше внимание в последнее время?**

ДМ: Сейчас я предпочитаю старые джазовые записи. Но в основном слушаю то, над чем работаю. К примеру, огромное количество афро-перуанской музыки. Я был в Перу в феврале и набрал массу материала, корни которого уходят в давние времена, еще к чернокожим рабам, завезенным в Южную Америку. Это невероятно! Я никогда и нигде не слышал таких сложных ритмов и настолько простой и красивой музыки. Заодно я подобрал музыку шаманов из перуанских джунглей, которая исполняется на ритуальных церемониях. Еще я слушаю виртуозного пианиста Джимми Сафта, который играет с Джоном Зорном. Сейчас для меня это, наверное, любимый клавишник. Надеюсь, его когда-нибудь услышат многие. Кстати, еще он играет в трио, которое перерабатывает песни Боба Дилана. А я сейчас продюсирую запись *Wood Brothers* — это Крис Вуд и его брат. Они сочиняют песни на основе блюза и кантри.

☞ **Я читал, что вы неплохо готовите...**

ДМ: (*Смеется*). Не знаю, не знаю. Я бы все-таки предпочел, чтобы меня запомнили как хорошего музыканта. Но если честно, я люблю готовить. А еще больше люблю поесть.

☞ **Вероятно, кулинария и сочинение музыки похожи: берешь обычные ингредиенты, а результат зависит уже от умения повара...**

ДМ: (*С энтузиазмом*). Точно, вы угадали! Я к музыке и кулинарии подхожу одинаково. Это сплошная импровизация! Я никогда не следовал рецептам. Когда я готовлю, то просто подбираю вкусы так, как мне хочется в данный момент. И то же самое в музыке — у меня есть язык, гармонии, ритм, но когда складываешь их вместе, каждый раз может получиться что-то иное. По-моему, и кулинария, и музыка — это важнейшие элементы человеческой жизни! Нам нужна пища, и я верю, что точно так же нам нужна музыка. Музыка существовала задолго до того, как появились деньги, а может, и до того, как появился язык.